

«Сдерживание» как элемент политики США в отношении Исламской республики Иран в 1993-2000 гг.: характер и эволюция

«Containment» as an element of US policy towards the Islamic Republic of Iran in 1993-2000: nature and evolution

Сафонов А.С.

канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ

e-mail: sasdipacademy@gmail.com

Safonov A.S.

Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Department of Foreign Relations, The Diplomatic academy of the Russia's Ministry of Foreign Relations

e-mail: sasdipacademy@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется генезис и эволюция политики США в отношении Ирана в 1990-е годы, определяются характерные черты и особенности политики «сдерживания», проводимой администрацией президента У. Клинтона в отношении ИРИ и режима «муллократии». Показано, что президентские выборы 1997 г. в Иране обусловили трансформацию политики «сдерживания» в тактическом аспекте при сохранении общей стратегической линии США.

Ключевые слова: США, ИРИ, «муллократия», теократический режим, «сдерживание», «диалог цивилизаций».

Abstract

The article analyzes the genesis and evolution of the US policy towards Iran in the 1990s, defines the characteristic features and features of the «containment» policy pursued by the administration of President W. Clinton in relation to Iran and the «mullocracy» regime. It is shown that the presidential elections of 1997 in Iran led to the transformation of the policy of «deterrence» in the tactical aspect, while maintaining the overall strategic line of the United States.

Keywords: USA, Iran, «mullocracy», theocratic regime, «containment», «dialogue of civilizations».

Распад Советского Союза в 1991 г. укрепил уверенность США в своём мессианском призвании и способности утвердиться в роли глобального гегемона, основываясь на распространении и навязывании в различных регионах мира западных либерально-демократических ценностей, привлекательность и универсальность которых, с точки зрения американского политического истеблишмента, была подтверждена «победой» в холодной войне. Геополитические и политико-психологические изменения, обусловленные крахом биполярной системы международных отношений, скорректировали подход США к формированию региональных направлений внешней политики страны при сохранении, вместе с тем, фундаментальных основополагающих

принципов. Иными словами, были созданы предпосылки для смены тактики и применяемого инструментария при неизменной в своей основе стратегической линии. Администрация У. Клинтона, таким образом, стала пионером, сделав ставку на борьбу за «демократию и её принципы» во всемирном масштабе [4, с. 5].

В изменившейся международно-политической парадигме центральным направлением политики Вашингтона в отношении Тегерана стала активизация и интенсификация воздействия на оппозиционно настроенную по отношению к действующей власти часть иранского населения, которой отводилась роль движущей силы процесса «либерализации» в стране. Расчёт состоял в том, чтобы, сохраняя видимость демократического процесса, при помощи и поддержке США обеспечить в ИРИ избрание либеральных, прозападных руководителей. Задействовать предполагалось в первую очередь экономические и идеологические рычаги, одновременно создавая привлекательный в глазах иранцев образ США как страны, в новых исторических условиях не представляющую для них угрозы, готовую к двухстороннему диалогу и взаимодействию. Иранское общество, по мнению ряда американских экспертов, уже испытывало состояние «интоксикации Западом» и было готово к изменениям. «Америка – неопределённое, но живое, почти мистическое представление о лучшей жизни – наполнила пустоту, оставленную провалом революции 1979 года» [11, р. 35].

«Позвольте мне сказать, – обозначил свою позицию У. Клинтон в одном из своих первых интервью в должности президента США, – что я весьма озабочен тем, что иранское руководство становится более милитаризованным, поддерживающим, главным образом, террористические организации, или принимающим участие в небезопасной области распространения оружия массового поражения для собственного использования или передачи другим. Но мне бы хотелось, чтобы Иран вступил в семью цивилизованных наций» [9]. Таким образом, глава Белого дома изначально подтвердил нацеленность политики США на то, чтобы добиться отказа теократического режима ИРИ от проводимой внешней политики и впоследствии обеспечить его качественную трансформацию до соответствия американским интересам и стандартам. Основания для подобных расчётов у американской стороны имелись, поскольку «несмотря на отсутствие дипломатических отношений между Тегераном и Вашингтоном, США играют важнейшую роль в процессе формирования внешнеполитического курса Ирана» [5, с. 484]. Утверждение проамериканского правительства в Иране, обладающего всей полнотой власти, сместило бы вектор политики этой страны в русло проамериканского курса. В дальнейшем обозначенный курс У. Клинтона в отношении ИРИ был юридически закреплён на официальном уровне. «Наша политика в отношении Ирана нацелена на изменение поведения иранского правительства в нескольких ключевых областях, включая усилия Ирана заполучить оружие массового поражения и ракеты, его поддержку терроризма и группировок, противостоящих мирному процессу, его попытки подорвать дружественные правительства в регионе и несоблюдение прав человека. Мы сохраняем желание вступить в авторитетный диалог для обсуждения с Ираном разногласий между нами» [8, р. 25] – отмечалось в Стратегии национальной безопасности США 1994 г.

Администрация У. Клинтона предпочла не форсировать процесс решения поставленных задач на иранском направлении, сделав ставку на усилия по обеспечению постепенной внутривнутриполитической эволюции Исламской республики через воздействие на оппозиционные общественные силы как естественную электоральную базу иранских «реформаторов» – либерального крыла политического истеблишмента ИРИ, наиболее терпимого к вопросу налаживания отношений с Западом.

Аспекты, обозначенные президентом У. Клинтон и зафиксированные в стратегии национальной безопасности, указывают на то, что в Белом доме понимали, что консерваторы в руководстве Ирана в тот период продолжали сохранять влиятельные позиции, принимали ключевые решения и контролировали их исполнение правительством. Именно поэтому «сдерживание» стало основой подхода США к Ирану в

начале 1990-х годов, причём данный термин с 1993 г. применялся в качестве официального названия американской политики, подразумевая политико-дипломатическое давление и изоляцию ИРИ. «Американскую администрацию беспокоил рост исламского сопротивления интересам США и Израиля в регионе, который связывали прежде всего с поддержкой Ирана. Отсюда важную задачу американцы видели в нейтрализации влияния Ирана в регионе, подрыве имиджа ИРИ как влиятельной региональной державы... В связи с этим США выступили инициатором введения экономических и политических санкций против Ирана» [1, с. 58] – пишут Л.М. Кулагина и В.М. Ахмедов. Обеспечить «сдерживание» предполагалось через формирование своеобразной международной «антииранской коалиции», в первую очередь через подключение западноевропейских государств, на основе обвинений Ирана в поддержке терроризма, стремлении приобрести ядерное оружие и нарушении прав человека. Это должно было создать видимость консолидированной международной позиции, придавая видимость легитимности и обоснованности обвинениям со стороны США и стремлению изолировать Иран, а якобы поддержка мирового сообщества подчёркивала стремление Вашингтона к многосторонности в решении международных проблем. «Достаточно справедливо говорить, что Соединённые Штаты должны рассчитывать на тех укрепляющих силу союзников, которые могут выполнить свою часть обязательств. Но многосторонность делает упор не на союзы, а на гораздо более свободные группы, в которые обязательно должны входить страны, не имеющие общих интересов, особенно на глобальном уровне Организации Объединённых Наций» [12, р. 36] – формулирует своё видение подходов к организации внешней политики США видный американский неоконсерватор П. Вулфовиц.

Внутрииранская проекция действий США состояла в том, чтобы вызвать рост недовольства электората якобы приводящей к изоляции страны на международной арене внешней политикой, стимулировать оппозиционные настроения в ИРИ и обеспечить, таким образом, выгодный американцам исход голосования на парламентских и президентских выборах. Смысл подхода Белого дома состоял в том, чтобы внедрить в общественное мнение Исламской республики тезис о том, что политика США легитимна с международно-правовой точки зрения, направлена исключительно против деструктивной политики «муллократии», а не иранского народа в целом. Это органично вписывалось в формирующуюся внешнеполитическую концепцию глобальной демократизации.

Важно отметить, что политика «сдерживания» в 1990-е годы не предполагала конечной целью смену режима в Иране. К этому времени США осознали и в определённой мере смирились с тем, что теократический режим ИРИ, несмотря на имеющиеся экономические и политические трудности, относительно прочен и стабилен. Тем более что в это время, как пишет иранист В.И. Юртаев, «главный акцент во внешней политике всё же был сделан на обеспечении внутренней безопасности страны и её территориальной целостности, поддержании добрососедских отношений с граничащими с ИРИ государствами» [7, с. 76]. Поэтому расчёт Вашингтона состоял в том, чтобы «муллократия» не действовала в ущерб американским «национальным интересам», а наоборот способствовала реализации американцами своей стратегии в отношении Исламской республики и региона в целом, находясь в статусе, подобном Саудовской Аравии. Иными словами, предполагалось добиться результата, который бы обеспечил ситуацию, чтобы ИРИ не представляла угрозы американским позициям, но обладала достаточным влиянием для поддержания регионального баланса. «Иран представляет собой важное государство, – отмечал глава Государственного департамента США У. Кристофер, – которое могло бы внести значимый вклад в интересах международного сообщества» [10, р. 310].

В период работы первой администрации У. Клинтона политика «сдерживания» Ирана осуществлялась полноценно, что объяснялось слабостью иранской зарубежной и внутренней оппозиции, отсутствием на политической арене Ирана фигур, способных

конкурировать с высшими руководителями ИРИ и консерваторами в правительстве. Президент А.А. Хашеми-Рафсанджани, считавшийся реформатором, воспринимался американцами в качестве представителя «старой гвардии» революционеров, не готовым к проведению серьёзных внутривластных преобразований. Однако, по мнению отечественных исследователей, «... к 1990-м годам на политической арене страны доминирующую роль играли прагматики и реалисты, которые предпочитали концентрировать внимание на управлении самим Ираном, нежели на реализации утопической мечты по распространению модели “идеального общества” за его пределы» [3, с. 237 – 238].

Однако в 1997 г. в политике «сдерживания» Ирана наметились явные коррективы, связанные с избранием либерального деятеля М. Хатами на должность президента ИРИ, позитивно воспринятым администрацией У. Клинтона. По своим качествам фигура нового иранского президента соответствовала американским критериям приемлемого для выстраивания совместной работы политика. В Белом доме делали осторожные выводы, что политика США в отношении Ирана стала приносить результат. «Диалог цивилизаций», инициатором которого выступил М. Хатами, выступал важным инструментом «либерализации», стимулируя общественное мнение на поддержку начинаний иранских «реформаторов». «Ко второй половине 1990-х Иран стремится выйти из политической изоляции, чтобы гарантировать своё экономическое выживание, и старается наладить ровные отношения с основными игроками на международной арене, более не раздражая их радикальной риторикой. Определённое потепление в конце 1990-х – начале 2000-х годов возникает даже в диалоге Ирана с США» [3, с. 238].

Поддержка президента М. Хатами и его правительства со стороны администрации Клинтона на первоначальном этапе была достаточно высока, но постепенно пришло понимание, что консервативное крыло иранского руководства не ослабило своих позиций. Оно продолжало жёстко контролировать правительство, в руках которого были сосредоточены преимущественно хозяйственные, экономические рычаги, чего для установления реального контроля над страной было явно недостаточно. И.Е. Федорова по этому поводу пишет, что «... духовный лидер Ирана Али Хаменеи продолжает доказывать, что Америка, претендуя на мировое господство, не предполагает иметь равноправных отношений ни с одной страной мира, что, в свою очередь, делает невозможным ирано-американское сотрудничество» [6, с. 178]. Поэтому полностью отказываться от политики «сдерживания» Белый дом был не намерен, хотя осуществлял её более фрагментарно, с учётом обновлённых политических реалий Ирана. В целом, позицию политического истеблишмента по данной проблеме в своих мемуарах чётко отразил бывший министр обороны США Р. Гейтс, отметив, что «пресловутое иранское упрямство наверняка будет препятствовать прогрессу в отношениях» [2, с. 243]. Однако под «упрямством» стоит подразумевать стремление руководства ИРИ к отстаиванию национальных интересов и неприемлемость односторонних уступок.

Литература:

1. *Ахмедов В.М., Кулагина Л.М.* Влияние режима санкций на внешнеполитическую деятельность ИРИ // Санкции и их влияние на Иран: Сб. статей. – Москва, 2012. – СС. 58 – 65.
2. *Гейтс Р.* Долг. Мемуары министра войны. – Москва: АСТ, 2014. – 798 с.
3. Иран: в поисках своего места в международных отношениях // Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – Москва: Аспект Пресс, 2020.– 336 с.
4. *Киреев А.А.* Внешнеполитическая стратегия администрации У. Клинтона. – Благовещенск: БГПУ, 2006. – 120 с.

5. Федорова И.Е. Влияние глобальных и региональных игроков на внешнюю политику Ирана // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – Москва: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – С. 484 – 491.
6. Федорова И.Е. Ирано-американские отношения – рубеж веков // Иран: ислам и власть. – Москва: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2002. – С. 177 – 183.
7. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – Москва: Аспект Пресс, 2018. – 160 с.
8. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House, July 1994 // National Security Strategy Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>
9. Interview with Dan Rather of CBS News. – 1993, March 24 // Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton. – 1993. – Book I [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=46370&st=Iran&st1=>
10. Secretary Cristopher. US Commitment to the Middle East Peace Process. Address before the American-Arab Anti-Discrimination Committee. – Arlington, Virginia, 1993, April 23 // US Department of State Dispatch. – 1993, May 3. – Volume 4, № 18.
11. Shirley E.G. Is Iran's Present Algeria's Future? // Foreign Affairs. – 1995, May/June. – Volume 74, № 3. – PP. 28 – 44.
12. Wolfowitz P. Clinton's First Year // Foreign Affairs. – 1994, January/February. – Volume 73, №1. – PP. 28 – 43.